

РЕЦЕНЗИИ

В.Ю. Бочаров

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

**Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса.
Хроника наемного труда / Пер. с фр.; общ. ред.
ред. пер. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2009. 574 с.
(Серия «Gallicinium».) ISBN 978-5-91419-151-8.**

Монография известного французского социолога Робера Кастеля впервые была издана во Франции в 1995 году, неоднократно переиздавалась во многих странах мира и, наконец, была представлена русскому читателю. Российское издание было дополнено обширным послесловием, рассказывающим об авторе и его творчестве, а также содержащим текст обстоятельного интервью, которое Р. Кастель дал Олеге Кирчик (одной из переводчиц издания) в 2007 году. В этом интервью проясняются некоторые концептуальные положения книги и даются необходимые пояснения и уточнения относительно выводов исследования применительно к современным реалиям.

Текст книги чрезвычайно насыщен социологическими терминами, историческими экскурсами с обширным цитированием документов, детальным описанием и даже реконструкцией социальных ролей и социальной структуры, а также авторской классификацией различных социальных феноменов. При этом книга читается удивительно легко, несмотря на отсутствие иллюстраций, схем и таблиц, четкая логика авторского повествования не позволяет читателю «потеряться» в разнообразных сюжетах и исторических примерах, сведенных Р. Кастелем в единую концепцию «метаморфоз социального вопроса».

Методология и терминология Робера Кастеля

По мнению автора, «социальный вопрос» – «это фундаментальная апория, в которой общество пытается нащупать отгадку своей сплоченности и стремится предотвратить риск своего раздробления» [С. 16]. Причем сам этот вопрос ставился еще до того, «как он был эксплицитно сформулирован в XIX веке» и остается актуальным в современном меняющемся мире, населенном «лишними», «бесполезными миру», не обладающими способностями, «конвертируемыми в социальные ценности людьми» (а поэтому, по мнению Р. Кастеля, даже «не эксплуатируемыми») [С. 18]. По сути, речь идет не только о новых «отверженных», но и о состоянии атомизации всего общества, значительную часть которого составляют люди, у которых «нет ни общего прошлого, ни общего будущего, ни одинакового жизненного опыта, ни одинаковых ценностей» [С. 17].

И далее, определяя субъектов этой новой реальности, автор пишет об отсутствии форм коллективной организации таких людей. Как не вспомнить высказывание Ж. Бодрийяра о том, что «лишь тысяча человек готова к действию, тогда как двадцать миллионов остаются пассивными», проводя время перед экраном телевизора [Бодрийяр, 2000. С. 18–19]. Между тем у Р. Кастеля такая ситуация рассматривается как новая «проблематика», но не новая «проблематизация». При этом, говоря о современной трактовке «социального вопроса», автор, вполне справедливо, на наш взгляд, рассматривает его в категориях не исключения, но социальной инвалидности [С. 20]. Здесь следует обратить внимание на наиболее важный методологический подход, используемый Р. Кастелем, а именно на идею «проблематизации», на основе которой он, по сути, и совершает историко-социологическую реконструкцию общества наемного труда.

Впервые понятие проблематизации было введено М. Фуко, который подчеркивал роль этой практики в процессе конституирования некоего явления в качестве объекта мысли [Фуко, 1996. С. 312]. Кастель дает свое определение:

Под проблематизацией я понимаю связную совокупность вопросов (общие характеристики которых нужно определить), возникших в данный момент времени (который нужно датировать), переформулировавшихся много раз в периоды кризисов, вбирающих в себя новые данные (нужно сделать периодизацию этих трансформаций) и актуальных по сегодняшний день [С. 14].

Опираясь на такой подход, автор книги прибегает к перегруппировке исторического материала (особенно это касается первой части книги «От опеки к контракту») в зависимости от категории анализа. Во многом благодаря использованию такой методологии становится обоснованным введение термина «метаморфоза». Для Р. Кастеля «мета-

морфоза» – это не просто метафора. При этом им подчеркивается, что «перевороты, даже фундаментальные, не представляют собой абсолютные инновации, если вписываются в рамки той же проблематизации» [С. 14].

Главными персонажами описываемых «метаморфоз» являются «неопределенные фигуры», занимающие маргинальное положение в сфере труда по краям социально признанных форм обмена. В исторической ретроспективе – это средневековые «бродяги», «бичи общества», «отбросы общества», «дезертиры», а сегодня – это «хронические безработные, жители обездоленных пригородов; получающие социальное пособие; жертвы индустриальной конверсии; молодежь, ищущая работу и переходящая от одного испытательного срока к другому, от подработки к временной занятости [С. 9]. Для описания неустойчивости их положения, хрупкости социальных связей Р. Кастель прибегает к нескольким основным терминам, заимствуя и переосмысливая их значение или вводя их самостоятельно в социологический тезаурус.

Прежде всего, это термин «деконверсия» (deconversion), который характеризует, по мнению автора, состояние разложения социального государства, «размывания» (effritement) или расшатывания его социальной структуры. Это всегда некий временной период в истории, когда роль социальной памяти – социального «наследования» прошлого – намного усиливается (новый социальный опыт еще слаб, а память о прошлом опыте еще жива).

Еще один центральный термин в теории Р. Кастеля – «дезаффиляция» (desaffiliation), обозначающий разрыв связи с группой, утрату чувства принадлежности. Термины «деконверсия» и «дезаффиляция» вместе с такими понятиями, как «вынужденный индивидуализм», «индивиды по умолчанию» или «несостоятельные индивиды», «социальная инвалидность», «уязвимость» (precarite), рассматриваются Кастелем «в рамках проблематики интеграции и аномии» современного «социального государства» [С. 9]. Заметим, что автор предпочитает использовать этот термин вместо широко распространенного «государство всеобщего благосостояния» (или «благоденствия»).

Само «социальное государство», по мнению автора, «сформировалось на пересечении рынка и труда» [С. 20]. Наиболее кратко квинтэссенцию своей интерпретации социального государства Кастель дал в своем интервью:

Социальное государство западного типа... позволило сохранить автономию, социальную независимость индивидов... дало всей совокупности населения Франции базовые социальные права, которые позволили им получать минимум социальной независимости. Ядром этого социального государства является страхование социальных рисков,

которое дало индивиду возможность выйти из перманентного состояния незащищенности (жить единым днем, бороться за выживание) и в то же время – стать полноценным индивидом, что полностью соответствует ценностям свободы [С. 572].

Не будет лишним подчеркнуть, что такая интерпретация «социального государства» с учетом национальной специфики может быть применена к странам Западной Европы, включая Великобританию, не концентрируясь лишь на опыте Франции. Апеллируя к современному подходу неоинституционализма, который делает акцент на неоднородности национальных ситуаций и специфической роли государств и действующих лиц, автор признает дискуссионность своих заключений относительно разных национальных государств. Неслучайно он отмежевался от попыток интеграции «социального» и «социалистического» государства, утверждая то, что «западная версия социального вопроса совершенно другая» [С. 572].

Опека и контракт

Автор сразу сосредоточивает свое внимание на необходимости проблематизировать сам термин «социальный». Он пишет об опасности, исходящей от групп, чье существование является угрозой социальной сплоченности. Р. Кастель выделяет типы таких групп по критерию трудоспособность / нетрудоспособность. Наиболее отчаянным, по мнению Р. Кастеля, является положение «бродяги, дезаффилированного *rag excellence*», по сути, везде являющегося «чужеземцем», «приезжим», а потому лишенным, помимо помощи от государства, сети защиты со стороны близких. Это «трудоспособное (валидное) население», которое «вытесняется» из «зоны опеки». С реконструкции социологической реальности, которая скрывается по этикеткой «бродяга», Р. Кастель открывает нам мир средневековой Европы и существовавших форм опеки. Он отмечает, что «и бродяги, и изолированные» составляли постоянную часть социального пейзажа еще до тысячного года. Но они находились вне общества и вне зон домашней жизни [С. 37]. Такая реконструкция социологической реальности бродяги, по мнению автора, верна «начиная с XIV века и до конца Старого порядка», то есть времени промышленной революции. В этом временном интервале типичным «концом» биографии бродяги становилась виселица.

Парадоксально, но именно в этих «отбросах общества» Р. Кастель видит прообраз «чистого» «наемного работника в том смысле, что он обладал, строго говоря, исключительно силой своих рук, то есть он – рабочая сила в ее изначальной данности» [С. 123]. Однако до определенного времени «у него не было возможности вступить в отношения найма

с целью ее продажи» [С. 123]. В исторической перспективе «бродягам» только предстояло стать «пролетариями». Р. Кастель подчеркивает, что «в доиндустриальном обществе бродяга являлся негативной сущностью наемного работника».

Заметим, что проблема наемного труда, по мнению самого автора, «является центральной для всей книги», так как «именно в ней кроется сердцевина всего социального вопроса» [С. 120]. Отправной точкой анализа Р. Кастеля послужили два специфических типа «проблемного населения» [Там же]. Далее уже в главе «Недостойный наемный труд» автор представляет структуру доиндустриальной организации трудовых отношений, подробно останавливаясь на «переходных» отношениях и структуре корпоративных ремесленных цехов.

Между тем Р. Кастель вовсе далек от того, чтобы идеализировать труд в цехе. Наоборот, он пишет о принудительном труде, запретах, власти цеховых «регламентов». Для примера автор книги обращается к анализу возникающего по инициативе европейских монархий мануфактурного производства, рассматривая их создание в плоскости попыток решения социального вопроса и интеграции «работоспособных нищих» [С. 155]. При этом автор обращает внимание и на принудительный характер труда, и мизерность вознаграждения в таких заведениях («госпитальные мануфактуры», «благотворительные мастерские», «дома призрения»), с одной стороны. С другой стороны, «трудовая полиция» имела компетенцию насильственного распределения для работы в таких заведениях.

И все же значение наемного труда постепенно росло. Ко времени промышленной революции в рамках еще существовавшей «феодальной» конструкции организации труда, в которой наемный труд еще не был ведущим и оставался «на периферии», он концентрировался, по мнению Р. Кастеля, главным образом в одиннадцати типах труда от ремесленных подмастерьев до «настоящего пролетариата», состоящего из наемных работников мануфактур, арсеналов, бумагопрядилен, рудников, кузниц. Кастель указывает на тотальность фабрики в эту эпоху, ограничения, связанные с мобильностью, но подчеркивает, что меры принимались отнюдь не только во Франции. И, действительно, похожие примеры мы находим и в отечественной истории индустриализации [См., например: Аристов, 1866, Кулишер, 2003, Озеров, 1905].

Таким образом, автор, по нашему мнению, справедливо отмечает устойчивость парадигмы принудительного труда. При этом положение «настоящих пролетариев» усугублялось таким явлением, как «пауперизм» и «массовая уязвимость». Этим явлениям Р. Кастель посвящает главу «Либеральная современность». Он отмечает, что в конце XVIII века происходит окончательная ломка корпоративного уклада, принятие во Франции нового законодательства (закон Ле Шапелъе

1791 года, Конституция 1793 года). А вместе с этим начинает актуализироваться необходимость сглаживания новых социальных противоречий, а именно проблемы массовой нищеты и необходимости ресоциализации «отверженных», оказавшихся на грани физического выживания. Далее, в главе «Политика без государства» отмечается центральная роль социального вопроса до индустриализации и после нее. Такие явления, безусловно, требовали к некоему «возврату к опеке», что выразилось в организации во Франции государственной службы призрения, состоявшей из системы «госпиталей и богаделен», подчинявшихся муниципалитетам и служб милосердия, находящихся под контролем префектов.

Заметим, что еще в первой главе Р. Кастель дает общие формальные характеристики «системы социальной помощи» [С. 39] или «общие условия возможности оказания помощи в любой области», которые конструируются «по аналогии первичной социабельности» [С. 40] и не зависят от конкретных «исторических конфигураций» [С. 39–40]. Но все же в конце XVIII века господствовавшая в Западной Европе парадигма либерализма ограничивала роль государства в оказании помощи «отверженным» «пролетариям». Акцент делался на добровольном «попечительстве» или «патронате» со стороны работодателей, а позднее – в первой половине XIX века – на инициировании создания «обществ взаимопомощи» («friendly societies»). Именно эти «общества», как справедливо замечает Р. Кастель, явились прообразом возникших позднее профсоюзов.

Но, по крайней мере, в первой половине XIX века государство по-прежнему не вмешивалось в сами трудовые отношения. При этом трудовые отношения того времени характеризуются как двусторонне-конфликтные, то есть их сущность состоит в открытом противоборстве между сторонами этих отношений. Но индустриализация и следующие за ней изменения в социальной структуре общества требовали новых государственных функций в целях смягчения растущих общественных антагонизмов.

Кроме того, организованное забастовочное движение «пролетариев» приобретает в тот исторический период такие масштабы, что становится угрозой господствующей рациональности и стабильности всей конструкции наемного труда. И «государство» («правлящая элита» или, в терминологии марксизма, – правящий «класс»), опасаясь нарастания процессов энтропии и хаоса, не могло оставаться безразличным к ситуации на предприятиях. При этом вначале государство работало только как репрессивный аппарат, и лишь со временем начинает постепенно формировать новую конфигурацию трудовых отношений, создавая «правовое поле» и становясь их «третьей стороной», формируя пространство для социального контракта.

Договор и статус

В главе «Общественная собственность» автор предлагает рассматривать возникновение социального государства как посредника между сторонниками воспитания и теми, кто выступал за классовую борьбу [С. 302]. Главная проблема в формировании такой конструкции состояла в ограниченности общественной власти в экономике, что постепенно нашло решение в концепции коллективных договоров.

Но еще до легитимации коллективных договоров была сформирована законодательная база («социальное законодательство»), в рамках которой было гарантировано предоставление минимальных жизненных стандартов [С. 322]. В целом со времени перемещения наемного труда с «периферии» в центр социального вопроса смещается и фокус проблематики социальной защиты, а именно: она строится «вокруг трещин в статусе рабочих и направлена на улучшение их положения» [С. 368].

Логично, что в следующей главе – «Общество наемного труда» – Кастель подробно рассматривает конструкцию наемного труда, сложившуюся в XX веке, и те метаморфозы, которые меняли вид ее конфигурации. Постепенно «наемный работник» поглощает фигуру «рабочего», дополняя ее «буржуазными» служащими, чиновниками, инженерно-техническими работниками, работниками «промежуточных профессий» и «третьего сектора». Изменяются и сами трудовые отношения. Так, трудовые отношения «периода индустриализации» характеризовались наличием заработной платы, от которой зависит тип потребления и стиль жизни рабочего, формой трудовой дисциплины, регулирующей ритм производства, и структурирующими трудовые отношения юридическими рамками, то есть трудовым контрактом и накладываемыми им ограничениями. При этом Кастель утверждает, что трудовые отношения могут иметь разные конфигурации и для выявления происходящих изменений он предлагает сфокусировать внимание на пяти основных условиях, соответствующих трудовым отношениям фордистского типа: жестких различиях между теми, кто действительно постоянно работает, и незанятыми или полужанятыми, которых следует либо исключить из рынка труда, либо интегрировать в него соответствующим образом; закреплении рабочего на рабочем месте и рационализация труда в рамках точного, измеренного, регламентированного времени; новым формам потребления, доступным благодаря устойчивому доходу; доступе к общественной собственности и общественным службам; трудовом праве, рассматривавшем работника как члена коллектива, обладающего социальным статусом и за пределами индивидуального трудового контракта. По сути, здесь выделены рамки для анализа происходивших в конструкции наемного труда «метаморфоз».

Но происходящие метаморфозы не могут отменить присущего наемному труду феномена «отчуждения». И автор в принципе соглашается с марксистской оценкой этого явления.

Смягчить противоречия, лежащие в основе отчуждения, было призвано «социальное государство», от характеристик которого зависела конфигурация конструкции наемного труда. Кастель приводит основные характеристики «социального государства», которые сформировались в Европе после Второй мировой войны [С. 431–440]. В тексте нет идеализации периода послевоенного «экономического роста», длившегося до 1980-х годов и имевшего свои проблемы, связанные с неравенством и социальной уязвимостью. А сложившаяся в конце XX века ситуация характеризуется как «кризис» или состояние «деконверсии». Автор подчеркивает, что изменилась сама «проблематика занятости» [С. 462]. Выросла безработица, усилилась «нестабильность занятости», появились так называемые «атипичные» формы занятости, которые составляют более 2/3 от общего числа новых рабочих мест [С. 463].

Все эти процессы разрушают устойчивую структуру наемного труда и ведут, по мнению автора, к появлению новых «лишних людей». Более того, меняется и роль «работодателя», отказывающегося от принципов филантропии в социальной сфере. Все это заново ставит вопрос о целостности всего общества и попытках государства преодолеть его дезинтеграцию. Одним из таких механизмов «социального включения» во Франции является, как указывается в книге, введение «пособия социального минимума» [С. 499]. Наконец, автор подробно рассматривает варианты возможного развития социального государства.

В заключении к книге (имеющем подзаголовок «Негативный индивидуализм») автор подчеркивает роль наемного труда, идеологии, которые порождают современные трудовые отношения. Характеризуя современное общество, Кастель подчеркивает, что в нем превалирует «негативный индивидуализм, который ощущается как изъятие из членства в коллективах» [С. 541]. И современное непрочное состояние индивидов делает их похожими на тех бродяг средневековой Европы, с социологической реконструкции которых начиналась эта книга.

В послесловии к русскому изданию справедливо отмечается то, что перевод книги Р. Кастеля, выходящий в свет более десяти лет спустя после оригинальной публикации, нельзя назвать устаревшим. А комментарии автора относительно современных моментов европейской дискуссии о социальном вопросе и ремарки относительно ситуации в России лишь дополняют ценность представленной книги, утверждающей тезис о необходимости существования минимальных гарантированных норм социальной защиты, без которых невозможно социальное гражданство и социальная интеграция.

Книга рассчитана на широкий круг преподавателей, студентов и исследователей в области социологии, социальной политики и экономики. В рамках учебного процесса в вузе она может быть использована в качестве незаменимого источника для организации семинарских дискуссий и самостоятельного изучения сущности, принципов и структуры западноевропейской социальной политики, а также истории становления институтов социальной защиты, формирования современной конструкции трудовых отношений и в целом «западной версии» социального государства.

Список литературы

- Аристов Н. Я.* Промышленность Древней Руси. Спб.: Тип. Королева и К°, 1866.
- Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства / Пер. с франц. Н. В. Суслова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000.
- Кулишер И. М.* История русской торговли и промышленности / Сост. А. В. Куряев. Челябинск: Социум, 2003.
- Озеров И. Х.* Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1905.
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. / Пер. с фр., сост., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996.
- Boltanski L.* Les cadres, la formation d'un groupe social. P.: Eds. De Minuit, 1982.
- Castel R.* Problematization: a way of Reading History // J. Goldstein (Ed.). Foucault and the Writting of History today. Cambridge: Basil Blackwell, 1994.
- Geremek B.* Les marginax parisiens aux XIV et XV siecles. P.: Fiammarion, 1976.
- Rieff P.* The Triumph of Therapeutic: The Uses of Faith after Freud. N. Y.: Harper and Row, 1968.

Владислав Юрьевич Бочаров,
канд. социол. наук, доцент кафедры
социологии и политологии Самарского государственного университета
электронная почта: vladislav_bocharov@rambler.ru
